

Исторические ракурсы

В. М. МУХАНОВ

К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях

Вадим Михайлович Муханов, канд. ист. наук., ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Центра постсоветских
исследований НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vladim_muhanov@inbox.ru

Аннотация. В статье выявляются осприваемые темы совместного прошлого России и Грузии и точки бифуркации истории их отношений. Рассматриваются возможности использования исторических дискуссий для нормализации российско-грузинских отношений.

Ключевые слова: Кавказ, Россия, Грузия, история, конфликты, Георгиевский трактат, Кавказская война.

В текущий период двухсторонних отношений, который можно охарактеризовать как тяжелый, крайне востребована позитивная повестка, утраченная за последнее десятилетие. В 2013 г. у двух стран возникло давно ожидаемое «окно возможностей» для нормализации отношений и их постепенного улучшения. Тем более что на это существует большой общественный запрос – как в Грузии, так и в России. Имея перед глазами хотя бы факт отсутствия дипломатических отношений между двумя странами говорить о качественном улучшении пока что еще нельзя, однако наличие определенной нормализации в период 2013–2016 гг. следует признать [подробнее. см.: 1, с. 77–94; 2, с. 66–74]. Процесс нормализации пошел по нарастающей с конца 2012 г., после прихода к власти коалиции «Грузинская мечта».

Ряд позитивных шагов уже сделан [3, с. 335–339], и обсуждение опять подходит к тем «красным линиям», которые трудно переступить на сегодняшний момент. Необходимо искать те направления и концепты, которые, не обостряя и без того непростые отношения, помогли бы зафиксировать позитив, достигнутый за последние три года, а в идеале и развить его.

Необходимо признать, что весьма существенным фоном современных российско-грузинских отношений представляется фон исторический – тем более с учетом того обстоятельства, что совместная история России и Грузии насчитывает не одно столетие. Здесь сказываются как перегибы советской исторической науки и других гуманитарных направлений, так и современные «войны исторической памяти», которые всюду бушуют на постсоветском пространстве, не исключая и кавказский регион. При этом отметим два аспекта «незадействованного» исторического прошлого. Во-первых, это очень серьезный и масштабный ресурс, практически неиспользуемый в процессе нормализации, из которого можно черпать позитивную информацию, способную заставить по-другому посмотреть на соседа. Во-вторых, применение этого знания и, следовательно, активизация гуманитарного дискурса не только не угрожает возможным обострением, но, наоборот, способно сгладить острые углы в двухсторонних отношениях, в отличие от некоторых тем, которые прочно обосновались за «красной линией» [4, с. 89–93].

Необходимо восстанавливать формат доверия между российским и грузинским обществом, а это невозможно без снижения взаимной враждебной риторики, активизации культурного и гуманитарного сотрудничества. Тем более что направлений сближения хватает – остается

только их использовать: это и одна конфессия, и взаимопроникновение культур, и тесно переплетенное совместное прошлое. Многие исторические персоналии до сих пор пользуются уважением обществ двух стран и являются предметом дискуссий по поводу своей принадлежности: яркие примеры — царь Вахтанг или генерал Петр Багратион, а также выдающиеся грузинские деятели, которые в разные периоды истории работали на российско-грузинское сближение и военно-политический альянс.

В дополнение к тяжелой ситуации на протяжении достаточно долгого времени ведется «накручивание» населения путем апелляции к образу врага, постоянно идет своеобразная «накачка» массового сознания жителей Грузии определенной интерпретацией прошлого, что только увеличивает пропасть между соседними странами и их населением. Такая проблема тоже существует, и об этом говорят некоторые эксперты как из России, так и из Грузии. Например, Гулбаат Рцхиладзе и Георгий Векуа еще в 2010 г. отмечали, что «суть проблемы в том, что образа врага — в виде сопредельной России — внедряется и целенаправленно культивируется в Грузии вот уже двадцати лет» [5, с. 2].

Подчеркнем, что сознательная политика по культивированию образа врага велась на протяжении последнего десятилетия, и очевидно, что она отнюдь не способствует нормализации двухсторонних отношений, а скорее, наоборот, всячески препятствует и осложняет любую позитивную деятельность, направленную на сближение позиций России и Грузии. Таким образом, специально отобранный исторический багаж представляется одним из реальных препятствий в деле урегулирования конфликтов на Кавказе. Помимо российско-грузинских противоречий, это касается и грузино-осетинского, и грузино-абхазского конфликтов.

В настоящее время все позитивные итоги пребывания грузинских земель в составе двух империй — российской и советской — подвергаются в Грузии сомнению и даже отрицанию. Все точки бифуркаций, пройденные в период совместной истории, пересмотрены, произошла определенная ревизия прошлого, появились новые оценки и определенная терминология, которые стали незамедлительно включаться в политический дискурс между странами, принимавший иногда достаточно грубые формы. В первую очередь полюбившийся термин «оккупация» теперь применяется в Грузии к различным периодам прошлого, начиная с XIX столетия и заканчивая текущим десятилетием.

Итак, выделим узловые периоды и даты совместной истории, на которые обращено внимание как грузинской, так и российской общественности, и где за последние два десятилетия резко изменены оценка и интерпретации, принятые ранее в научной среде.

1. Первая четверть XVIII в. — начальный период проникновения России на Кавказ, связанный с активной политикой Петра Великого. Особое внимание здесь обращается на Персидский поход императора и его контакты с закавказскими владетелями, в первую очередь с царем Картли Вахтангом VI [6, с. 17–19; 7, с. 12–69]. Забегая вперед, скажем, что сейчас это один из наиболее обсуждаемых персонажей из истории двухсторонних отношений по причине его позднейшей эмиграции в империю (во главе более чем тысячной свиты) и фактическому нахождению на российской дипломатической службе.

Ключевой дискурс здесь — это взаимоотношения Петра и Вахтанга. С одной стороны, говорится о гениальности Петра в свете открытия им кавказского направления российской политики, а с другой — подчеркивается тот факт, что он так и не соединился с закавказскими владетелями, в том числе и с Вахтангом, который, потеряв свое царство, вскоре был вынужден бежать в Россию. Отметим совершенно различные интерпретации этого периода в российской и грузинской историографии.

2. Вторая половина XVIII в. — это период, связанный с деятельностью таких неординарных правителей, как Екатерина II и Ираклий II. Сюда входят и контакты между сторонами, начавшиеся в 1760-е гг. и продолжавшиеся в ходе русско-турецкой войны, когда при российском посредничестве был налажен военный союз царя Картли-Кахетии Ираклия и царя Имеретии Соломона, а закончившиеся заключением эпохального Георгиевского трактата 1783 г. Кстати, одним из поводов для обсуждения двухсторонних отношений стал 230-летний юбилей данного соглашения. Отметим, что, несмотря на прошедший юбилей, как в России, так и в Грузии, о трактате вспоминали не часто. Единственный академический проект подобной тематики в России смог выйти при государственной поддержке только с большим опозданием по отношению к юбилейной дате — в конце 2014 г. [8].

Весьма неоднозначно воспринимается период уже тесного взаимодействия, в результате которого был подписан столь знаковый документ, кстати, оцениваемый сегодня тоже весьма не-

однозначно. В Грузии, говоря о трактате, часто переходят на трагические для грузинских земель 1790-е гг., апофеозом которых стало кровавое нашествие персидского владыки Ага Мухаммеда. Разорение Тифлиса дает повод многим говорить о якобы «предательстве» России, которая бросила слабого грузинского царя один на один с завоевателем. При этом забывается о крупном походе князя В. Зубова, после известия о начале которого персидский хан стремительно ушел из Закавказья. В свою очередь в России во главу угла ставится не трактат и обязательства сторон, а двойственность политики самого царя Картли-Кахетии Ираклия, который через несколько лет после подписания договора в Георгиевске заключил соглашение с ахалцихским пашой (с одобрения Стамбула).

Отметим, что в современном общественно-политическом дискурсе дается крайне однобокая оценка трактата и тогдашней обстановки в регионе и практически не используются документы тех лет, которые могли бы показать просьбы и пожелания, содержащиеся в посланиях из Тифлиса. Обратим внимание на то, что грузинская сторона почти не вспоминает о весьма показательной переписке как с Петербургом, так и с грузинскими посланцами; там — крайне важным источником, свидетельствующем о большой заинтересованности Тифлиса в протекторате, военно-политической и финансовой помощи Петербурга.

Показательно, что такой стиль общения с Петербургом был в значительной степени сохранен и при преемнике Ираклия в конце века и привел, в числе прочего, к присоединению Картли-Кахетинского царства к России в 1801 г.

3. Рубежный период, то есть конец XVIII — начало XIX вв., является поворотным в истории двухсторонних отношений, так как именно тогда и произошел процесс присоединения грузинских земель к Российской империи. Сотни копий сломаны вокруг вопроса присоединения Картли-Кахетии и других грузинских территорий к империи. К настоящему времени сложились две крайние позиции, на которых стоят российские и грузинские историки. С одной стороны, в России, по словам известного грузинского юриста Зураба Авалова, следуют «прекрасной традиции “добровольного” присоединения Грузии», а с другой — под влиянием политической конъюнктуры сложилось представление о вхождении Грузии в состав России как об оккупации и завоевании. При этом за скобками зачастую оставляют самое главное — смысловое содержание этого процесса (Авалов, подвергая сомнению тезис о добровольности, тем не менее подчеркивал, что «традиция эта правильна в том смысле, что Грузия веками искала сближения с Россией и желала тесной политической связи с Империей») [9, с. 140].

В качестве примера диаметрально различающихся оценок процесса присоединения и его последствий можно привести даже последние статьи, вышедшие в России и Грузии — статью профессора ТГУ Отара Джанелидзе [10, с. 160–200] и фактически ответный материал российского историка Михаила Волхонского [11, с. 38–59].

4. Российская политика в Закавказье (первая половина XIX столетия), приведшая к объединению грузинских земель, очертания которого мы можем наблюдать и сегодня, является еще одной дискуссионной темой. К сожалению, не стали предметом серьезного, но нужного обсуждения темы взаимоотношений российских властей и местной элиты, успешной интеграции последней в местный бюрократический аппарат и Отдельный Кавказский корпус (затем — Кавказскую армию). Это бы прекратило инсинуации о якобы ущемленном положении грузинской знати и общества в составе империи, а наоборот, продемонстрировало весьма льготное положение. Документы и свидетельства того времени позволяют сделать весьма однозначный вывод о высоком уровне доверия к грузинской элите, что выражалось в достаточно мягком отношении местной администрации к различным выходкам ее представителей.

Наиболее яркий пример, который сейчас практически не используется, это известный заговор 1832 г. и его последствия. Молодые представители знатных грузинских фамилий, фактически участвовавшие в государственном мятеже, получили в итоге весьма мягкие приговоры (ссылки, многих даже вернули досрочно, сократив сроки). Через несколько лет они были не просто возвращены на родину, но и приняты уже на государственную службу, как военную, так и гражданскую. Показательно, что некоторые участники заговора превратились в верных подданных российской короны, и достигли впоследствии высших постов в Кавказском наместничестве (например, князь Григорий Орбелиани, Дмитрий Кипиани и др.).

Это событийная канва особенно выразительно смотрится в сравнении с аналогичными событиями, происходившими тогда в империи, а главное — с их последствиями. Напомним, что в этот же временной промежуток попадают восстание декабристов и польский мятеж. Показательно, что они, в отличие от заговора 1832 г., были жестоко подавлены, и власти крайне сурово

обошлись практически со всеми участниками этих выступлений. Грузинская фронда, наоборот, не пострадала и отделалась достаточно легко.

Огромное количество грузинских знатных фамилий, в том числе и княжеских, безболезненно влилось в российское элитарное сословие — дворянство — и чувствовало себя полноправными гражданами империи. Именно в этот период многие ее представители с русскими паспортами впервые попали в Европу.

Хронологически дополняющие этот период (или вплотную примыкающие к нему) события, которые либо прямо вытекают из него, либо логически с ним связаны. Речь идет о завершающем этапе объединения грузинских земель под российской короной, а также об окончательном присоединении Северного Кавказа в результате Кавказской войны, массовой миграции населения региона (вошедшего в историю под названием «кавказское мухаджирство») и последовавшего за ней переселения грузинского (в основном, мегрельского) крестьянства [12, с. 153–172]. Подчеркнем, что все это зависимые друг от друга вопросы, однако единую причинно-следственную связь в настоящее время никто не выстраивает.

Более того, тема Кавказской войны и последовавшего за ней массового мухаджирства приняли в последние годы в Грузии совершенно иной окрас, который и используется ныне в определенных акциях, отчасти напоминающих даже провокацию. Именно так можно охарактеризовать необычайную активность грузинских официальных властей по раскручиванию черкесского вопроса, в первую очередь т. н. «черкесского геноцида», якобы совершенного российской стороной. При этом практически не освещается участие грузинской элиты и грузинских частей в войне с северокавказскими горцами, ранее часто беспокоившими земли Картли-Кахетии и других царств. Кроме того, современные контакты с северокавказской научной интеллигенцией поставили крест на обсуждении такой болезненной темы, как политика Шамиля в отношении грузинских земель.

Подчеркнем, что итоги Кавказской войны и последующих военных действий в регионе, в первую очередь массовую эмиграцию абхазского населения в Турцию в 1860-х — 1880-х гг. и значительную миграцию на освободившиеся земли мегрельского крестьянства, также редко привлекают для публичного обсуждения в нынешней Грузии,

5. Выход Закавказья в независимое плавание 1917–1918 гг., российско-советско-грузинские отношения в период революционных бурь и Гражданской войны 1917–1921 гг. — это тема, которая до сих пор вызывает широкий отклик в двух странах. Особенно остро она воспринимается в Грузии, где подпитывается как пропагандой, так и банальным незнанием фактов и событийной канвы. Снова можно признать, что данный непростой исторический период имеет совершенно различные оценки и интерпретации, регулярно выносимые в общественно-политический дискурс. Весьма различно оцениваются ситуация в регионе в период Гражданской войны, советско-грузинский договор 1920 г. и его последствия, а также Московский договор 1921 г. с кемалистской Турцией, фактически завершивший «смутное время» на Кавказе. Период 1920–1921 гг. связан как с завершением Гражданской войны в России, так и с процессом советизации Закавказья [13, с.171–228].

Тем не менее этот период и связанные с ним темы крайне важны и актуальны в настоящее время как в процессе анализа развития двухсторонних отношений, так и в свете завязывания грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий, которые ярко проявились именно в той исторической эпохе.

6. Особняком стоит советский период, находящийся под шквалом критики в Грузии (в качестве яркого примера можно привести Музей советской оккупации, открытый в Тбилиси в 2006 г. при поддержке тогдашнего президента Грузии Михаила Саакашвили). Последний исторический период — это бурная постсоветская эпоха, о которой, бесспорно, следует говорить отдельно и не в рамках данной статьи.

Таким образом, практически каждый период из трехсотлетнего активного взаимодействия вызывает жесткую дискуссию и рождает зачастую диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Такое расхождение, никак не связанное с академическим знанием, а базирующееся исключительно на изменении политической конъюнктуры, не способствует процессу нормализации, а скорее, наоборот, подпитывает и без того мощный конфликтный потенциал в российско-грузинских взаимоотношениях.

Определенные исторические сюжеты и целые сюжетные линии накрепко вплетены в современные отношения. Каждая из сторон регулярно озвучивает интерпретации, диаметрально противоположные друг другу. Для сближения представляется весьма полезным публичное

и совместное обсуждение этих тем, которое позволит объективнее и спокойнее посмотреть на длительное совместное прошлое...

Например, в нынешней повестке среди прочих обсуждается и достаточно провокационный вопрос о возможности перезахоронения в Грузии останков двух грузинских царей — Вахтанга VI и Теймураза II, поднятый по инициативе Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Здесь важно подчеркнуть, что грузинская общественность и Грузинская патриархия, которая и является инициатором этого процесса, так и не смогли аргументированно объяснить свой выбор и описать возможные последствия подобного шага. И это при том, что сегодня взаимоотношения двух поместных церквей — РПЦ и ГПЦ — носят дружественный, если не сказать, доверительный характер. В частности, Московский патриархат старается не предпринимать шагов, направленных на обострение отношений с ГПЦ (чему ярким примером служит ситуация с церковным вопросом в Абхазии и Южной Осетии [подробнее см.: 14, с. 129–137]).

В обсуждении же вопроса о возможности перезахоронения, очевидно, сказались слабая разработка данной темы и отсутствие соответствующей научной литературы и документальной базы. Кроме того, имеющаяся документальная основа позволяет говорить о том, что личности этих царей, особенно Вахтанга, не менее значимы и для российской истории. И на сегодняшний день вопросов по поводу персоналий грузинских царей, их миссиях в России, смерти и последующего захоронения в Астрахани накопилось достаточно. Также не понятно, почему свита царя Теймураза II отказалась везти его тело на родину. Не ясна и позиция его сына и наследника Ираклия II, который ни разу за время своего долголетнего правления не поднимал вопроса о переносе тела отца на родину [15, с. 113–125].

Сегодняшние спекуляции на тему совместного прошлого могут привести к непрогнозируемому развитию ситуации и иметь широкий резонанс в обществе. Таким образом, отсутствие научного диалога и, соответственно, результатов академической работы в изучении истории двухсторонних отношений оказывает негативное воздействие на развитие нынешних.

Для сближения позиций, то есть перехода к профессиональному обсуждению со снижением эмоционального накала и, одновременно, крайне желательного ухода от радикальных оценок и пропагандистских клише, необходимо создать простой и привлекательный формат дискуссионной площадки. Одним из вариантов искомого формата может стать российско-грузинская комиссия или группа по сложным вопросам, под эгидой которой можно организовать разновекторный экспертный диалог. Аналоги уже существуют: российско-польская Группа по сложным вопросам, Комиссия по сложным вопросам истории российско-японских отношений, — и пример их деятельности выглядит очень положительно.

Как раз в подобных рамках можно инициировать обсуждение проблемных и острых вопросов с участием профессиональных историков из России и Грузии. В случае достижения позитивных результатов данный экспертный формат можно будет взять за образец и создать аналогичные группы по другим востребованным направлениям (социологи, юристы, политологи и т. п.).

Результаты их обсуждения и совместные работы, отсутствие которых сейчас ощущается, должны быть опубликованы на двух или более языках, что позволит распространять их в двух странах с целью влияния на общественное мнение. Подчеркнем, что крайне нужным представляется выпуск документальных сборников и совместных работ как монографического, так и научно-популярного характера. Такого рода деятельность, как представляется, позволит изменить достаточно негативное на настоящий момент общественное мнение в двух странах и способствовать нормализации отношений между ними.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Муханов В. М., Скаков А. Ю.* Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Постсоветское пространство как сфера конфликта и диалога.* 2016. № 5. Т. 9 [Mukhanov V. M., Skakov A. Yu. Vybory v Gruzii 2016 g. i perspektivy rossiisko-gruzinskikh otnoshenii // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. Postsovetskoe prostranstvo kak sfera konflikta i dialoga.* 2016. № 5. Т. 9; Mukhanov, V. M., Y. A. Skakov Elections in Georgia in 2016 and the Prospects of Russian-Georgian relations // *The Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. The Post-Soviet Space as a Sphere of Conflict and Dialogue.* 2016. № 5. Vol. 9].

2. Скаков А. Ю., Муханов В. М. Российско-грузинские отношения // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: Сборник статей в 2 т. Т. 2. Южный Кавказ. — М., 2017 [Skakov A. Yu., Mukhanov V. M. Rossiisko-gruzinskie otnosheniya // Postsovetские gosudarstva: 25 let nezavisimogo razvitiya. Sbornik statei v 2-kh t. T. 2. Yuzhnyi Kavkaz. — М., 2017; Skakov, A., Mukhanov, V. M. Russian-Georgian Relations / The Post-Soviet States: 25 Years of Independent Development. A collection of articles in 2 vol. Vol. 2. The Southern Caucasus. — М., 2017].
3. Муханов В. М. Российско-грузинские отношения в гуманитарной сфере (текущее состояние и пути развития) // «25 лет внешней политике России»: Сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 1. Внешняя политика России: Глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. А. В. Мальгина. — М., 2017 [Mukhanov V. M. Rossiisko-gruzinskie otnosheniya v gumanitarnoi sfere (tekushchee sostoyanie i puti razvitiya) // «25 let vneshnei politike Rossii»: Sbornik materialov X Konventa RAMI (Moskva, 8–9 dekabrya 2016 g.). V 5 t. T. 1. Vneshnyaya politika Rossii: Global'noe i regional'noe izmereniya. V 2 ch. Ch. 2 / Pod obshch. red. A. V. Mal'gina. М., 2017; Mukhanov V. M. Russian-Georgian Relations in the Humanitarian Sphere (Current State And Ways Of Development) // «25 Years of Foreign Policy of Russia»: Materials of the X RISA Convention (Moscow. December 8–9, 2016). In 5 vol. Vol. 1. Russia's Foreign Policy: Global and Regional Dimensions. Part 2 / Under the General Editorship of A. V. Malgin. — М., 2017].
4. Муханов В. М. Спорные темы и вопросы совместной российско-грузинской истории в современном политическом контексте // В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений. — Тбилиси, 2014 [Mukhanov V. M. Spornye temu i voprosy sovместnoi rossiisko-gruzinskoi istorii v sovremenном politicheskom kontekste // V poiskakh putei normalizatsii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii. — Tbilisi, 2014; Mukhanov, V. M., Controversial Themes and Issues of Common Russian-Georgian History in the Modern Political Context, // In Search of Ways of Normalization of Georgian-Russian Relations. — Tbilisi, 2014].
5. Рцхиладзе Г., Векуа Г. Россия — Грузия: что происходит? — Тбилиси, 2010 [Rtskhiladze G., Vekua G. Rossiya — Gruzija: chto proiskhodit? — Tbilisi, 2010; G. Rtskhiladze, Vekua. Russia — Georgia: What's Going On? — Tbilisi., 2010].
6. Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. — М., 2014 [Airapetov O. R., Volkhonskii M. A., Mukhanov V. M. Doroga na Gyulistan... Iz istorii rossiiskoi politiki na Kavkaze vo vtoroi polovine XVIII — pervoi chetverti XIX v. — М., 2014; Airapetov, O. R., Volkhonskoye M. A., Mukhanov, V. M. The Road to Gulistan. From the History of Russian Policy in the Caucasus in the Second Half of 18th — First Half of the 19th Century. — М., 2014].
7. Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII — первой четверти XIX в. 2-е изд. — М., 2016 [Airapetov O. R., Volkhonskii M. A., Mukhanov V. M. Doroga na Gyulistan... Iz istorii rossiiskoi politiki na Kavkaze vo vtoroi polovine XVIII — pervoi chetverti XIX v. 2-e izd. — М., 2016; Airapetov, O. R., Volkhonskoye M. A., Mukhanov, V. M. Road to Gulistan/ From the History of Russian Policy in the Caucasus in the Second Half of 18th — first half of 19th century. Second edition. — М., 2016].
8. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата: Сборник документов / Отв. ред. А. Н. Артёмов. — М., 2014 [Iz istorii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii: K 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov / Otv. red. A. N. Artizov. — М., 2014; From the History of Russian-Georgian relations: The 230th Anniversary of the Conclusion of the Treaty of Georgievsk. Collection of documents / Ed. edited by A. N. Artizov. — М., 2014].
9. Авалов З. Присоединение Грузии к России. — СПб., 2009 [Avalov Z. Prisoedinenie Gruzii k Rossii. — SPb., 2009; Avalov Z. The Accession of Georgia to Russia. — SPb., 2009].
10. Джанелидзе О. Завоевание или добровольное присоединение? // Некоторые вопросы грузино-российских взаимоотношений в современной историографии. — Тбилиси, 2011 [Dzhanelidze O. Zavoevanie ili dobrovol'noe prisoedinenie? // Nekotorye voprosy gruzino-rossiiskikh vzaimootnoshenii v sovremennoi istoriografii. — Tbilisi, 2011; Janelidze O. Conquest, or Voluntary annexation? // Some Issues of Georgian-Russian Relations in Modern Historiography. — Tbilisi, 2011].
11. Волхонский М. А. Принцип реал-политик в российско-грузинских отношениях XVI — начала XIX вв. // Кавказский сборник. Т. 7 (39). — М., 2011 [Volkhonskii M. A. Printsip Realpolitik v rossiisko-gruzinskikh otnosheniyakh XVI — nachala XIX vv. // Kavkazskii sbornik. T. 7 (39). — М., 2011; Volkhonsky M. A. The Principle of Realpolitik in Russian-Georgian Relations of the 16th — 19th centuries / / Caucasian Collection. Vol. 7 (39). — М., 2011].
12. Муханов В. М. Политико-правовой и исторический анализ последствий Кавказской войны XIX в. в контексте эмиграций горских народов // Ежегодник ИМИ. 2012. № 1(2) [Mukhanov V. M. Politiko-pravovoi i istoricheskii analiz posledstviy Kavkazskoi voiny XIX v. v kontekste emigratsii gorskikh narodov // Ezhegodnik IMI. 2012. № 1(2); Mukhanov, V. M., Political-Legal and Historical Analysis of the Consequences of the Caucasian War of the 19th century in the Context of Emigration of Highland Peoples // Yearbook of THEM. 2012. No. 1(2)].
13. Муханов В. М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40). — М., 2014 [Mukhanov V. M. K istorii sovetizatsii Zakavkaz'ya (1920–1921 gg.) // Kavkazskii sbornik. T. 8(40). — М., 2014; Mukhanov V. M. Towards the History of Sovietization of the Caucasus (1920–1921) // Caucasian Collection. Vol. 8(40). — М., 2014].
14. Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии // Ежегодник ИМИ. 2016. № 1 [Mukhanov V. M. O tekushchem sostoyanii tserkovnogo raskola v Abkhazii // Ezhegodnik IMI. 2016. № 1;

Mukhanov V. M. On the Current State of the Church Schism in Abkhazia // Yearbook of IMI. 2016. No. 1].

15. *Волхонский М. А., Муханов В. М.* О перспективах российско-грузинского диалога по вопросу перезахоронения перезахоронения царей Вахтанга VI и Теймураза II // Международная аналитика. – 2016. – Вып. 2(16) [*Volkhonskii M. A., Mukhanov V. M.* O perspektivakh rossiisko-gruzinskogo dialoga po voprosu perezakhoroneniya tsarei Vakhhtanga VI i Teimuraza II // *Mezhdunarodnaya analitika.* – 2016. – Вып. 2 (16); *Volkhonsky M. A., Mukhanov, V. M.* On the Prospects of Georgian-Russian Dialogue Concerning the Issue of Reburial of Kings Vakhtang VI and Teimuraz II // *The International Analytics.* – 2016. – Vol. 2 (16)].

The burning issues of the Common Russian-Georgian History in Contemporary Socio-Political Discourse

Vadim M. Mukhanov, Ph.D (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies
and regional security, Institute for International Studies, MGIMO;
leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences.
E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Summary. The author reveals the burning issues of the common past of Russia and Georgia and the key points of bifurcation in their relations, as well as the possibility of using this direction of debates in the process of normalization of Russian-Georgian relations.

Keywords: Caucasus, Russia, Georgia, history, conflicts, Treaty of Georgievsk, the Caucasian war.